

A stylized illustration in shades of red and brown. A giant foot, wearing a white sock and a red shoe, is stepping down from the top right corner onto a city. The city is represented by angular, blocky buildings. One building on the left has several windows. In the bottom left, a small orange silhouette of a person is running away from the viewer, leaving a long shadow. The overall composition suggests a theme of overwhelming power or the impact of a large entity on a small one.

ПОЛУЗАЩИТНИК РОДИНЫ

АЛЕКСАНДР

ЦЫПКИН

БЕСПРИНЦИПНЫЕ
ИСТОРИИ

Александр Евгеньевич Цыпкин

Полузащитник Родины.

Беспринципные истории

Серия «Одобрено Рунетом»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67139761
Александр Цыпкин Полузащитник Родины:
ISBN 978-5-17-146574-2

Аннотация

«Всю жизнь мечтал стать рок-музыкантом, но напора, авантюризма и наглости хватило только на написание текстов для чтения со сцены и исполнения их милосердной и терпеливой публике. Но несбывшееся желание хуже карьеры. Рано или поздно придется с ним разбираться. Музыкального образования у меня нет, голоса тоже, слух в пределах физиологической необходимости. Так что никаких шансов. Но. Можно оформить книгу как альбом! Поэтому в содержании треки и бонус-треки. Каждый рассказ мне видится композицией, вот такие болезненные иллюзии.

Называется альбом «Полузащитник Родины». Песни в нем разные – веселые и грустные, легковесные и с претензией, хиты и просто достойные прослушивания, в смысле прочитывания.»

Александр ЦЫПКИН

Александр Цыпкин – автор бестселлеров «Женщины непреклонного возраста», «Дом досвиданий», «Девочка, которая всегда смеялась последней» и «Идеальный Че», общий тираж которых превышает 300 000 экземпляров.

Содержание

Intro. Родиться в столице Российской империи	8
Track 1 / Свобода воли	12
Часть 1. Свобода	12
Часть 2. Воля	26
Track 2 / Хейт	36
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Цыпкин

Полузащитник Родины

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Дизайн обложки: Анна Ксёиз

© Александр Цыпкин, текст, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается, разумеется, мне

Всю жизнь мечтал стать рок-музыкантом, но напора, авантюризма и наглости хватило только на написание текстов для чтения со сцены и исполнения их милосердной и терпеливой публике. Но несбывшееся желание хуже карьеры. Рано или поздно придется с ним разбираться. Музыкального образования у меня нет, голоса тоже, слух в пределах физиологи-

ческой необходимости. Так что никаких шансов. Но. Можно оформить книгу как альбом! Не тот, что с фотографиями, как вы понимаете, а тот, что у культовых групп. Поэтому в содержании треки и бонус-треки. Каждый рассказ мне видится композицией, вот такие болезненные иллюзии. Надо было все-таки на фортепьяно научиться играть. Да что жалеть.

Называется альбом «Полузащитник Родины». Песни в нем разные – веселые и грустные, легковесные и с претензией, хиты и просто достойные прослушивания, в смысле прочитывания. (Про хиты – это я оптимистично-самонадеянно.) Понравится – приходите послушать эти истории в исполнении автора в театр. Тешу себя надеждой, что там-то они и раскрываются, как дорогое вино. Появляются оттенки и интонации. Ну или это опять иллюзии. Обсудим при случае.

Intro. Родиться в столице Российской империи

Родиться в столице Российской империи – это как родиться в обедневшей аристократической семье. Есть специфика.

Ну, во-первых, неотъемлемое право гордиться происхождением. Кто из петербуржцев не знает этого пьянящего чувства собственного превосходства в момент ответа на вопрос: «А вы где родились?» Особенно если задают его на какой-нибудь черноморской набережной в большой компании. Если вам повезло и вы с таким анамнезом один, вы моментально прибавляете в росте несколько сантиметров, а участие в общей беседе можете свести к редким кивкам головой – и все равно будете ощущать себя магистром общей культуры и интеллектуальным ориентиром. Даже если в Мариинском театре были только один раз на вручении какой-нибудь светской премии, а школу закончить не решились и до сих пор не уверены, как все-таки правильно: Иран или Ирак. Вы все равно уже владеете тем, к чему многие идут всю жизнь.

Ты из Питера. Все. Жизнь удалась. Можно начать спиваться непосредственно в роддоме, но этого не пропьешь.

Ты счастливеец по дефолту.

Есть, конечно, и минусы. Что бы ты там ни сотворил в жизни, по большому счету, переплюнуть это достижение бу-

дет сложно. Равно как и в ситуации, когда ты аристократ. Трудно гордиться собой, если фамилия у тебя, к примеру, Мальборо, прадедушка герцог, а ты... ну просто хороший менеджер по продажам. Так же и с городом. Любой «неленинградец» спросит тебя с пристрастием: «То есть ты родился в самом красивом городе на Земле, ходил по тем же улицам, что Пушкин с Набоковым, и ты просто руководитель отдела продаж? Ты серьезно? Да ты адов неудачник».

Ты обижен и пытаешься защититься:

«А что в этом такого?! Тут не все гении».

«Вот именно! Вот если бы я тут родился, то был бы как минимум президентом, а ты все спустил в Неву. Весь Божий дар».

Скукоживаешься и идешь увольняться, а потом топиться в Фонтанке. Хотя можно и без увольнения. К черту формальности. Зато, пуская последние пузыри, ты знаешь, что похоронят тебя... да-да, в Питере.

Далее из прирожденных опций – это снобизм. Есть, конечно, исключения, истинная интеллигенция, допускающая право происходить из другого города. Этот снобизм иногда дорого (а у петербуржцев всегда проблемы с деньгами) обходится. Ну не всякий досточтимый помещик или капиталист будет помогать тому, кто его считает более низкой ступенью эволюции. Приходится прятать снобизм до худших времен, когда терять нечего и можешь сказать все, что думаешь. И опять же высокие требования окружающих.

Все та же набережная Анапы. Вы представляетесь окружающим, информируете их о рождении на «берегах Невы», где они-то не родились и не бродили. А вам в ответ: «Ну тогда в театр сегодня не пойдем, наш балтийский друг будет читать Бродского наизусть. Вы же все его знаете наизусть, так ведь?» Из Бродского вы знаете только «Ты еще жива, моя старушка», хотя не уверены, что это все-таки Бродский. Потом на чистом адреналине вспоминаете что-то про убийство на Васильевском острове или о смерти там же, ну хоррор, короче, какой-то. После такого провала вас изгоняют из шашлычной с привычным уже аккомпанементом: «Какого же хрена ты там родился, если Бродского не выучил! Зелень ты болотная!» Согласитесь, похоже на пытки графа де ля Фер знанием Аристотеля. Назвался графом – изволь в кузов с Википедией.

Но закончим положительным моментом. Равно как и благородный отпрыск всегда может, не достигнув за морем успеха, вернуться в отчий дом и спокойно допивать свой век под сенью фамильных дубов, так и родившийся в бывшем Ниеншанце (кто не знает, на «берегу пустынных волн» без всяких признаков упадка до Петербурга был шведский город, но об этом не принято вспоминать, не патриотично) может в любой момент уехать в любую точку мира и не переживать, что назад дороги нет. Согласитесь, есть разница: свалить покорять Москву из деревни в Тамбовской, к примеру, губернии или с Итальянской улицы города на Неве. На Ита-

льянскую улицу всегда можно вернуться и сказать: дескать, посмотрел я на вашу Москву, не мое, дыра дырой, вот-с и прибыл назад. Многие даже поверят. За такой же пассаж при возвращении в упомянутую выше деревню высмеют всей деревней.

И это только вершина аристократического айсберга. Нет времени на полноценное исследование, ибо живу в Москве и времени ни на что не хватает. В заключение хочу сказать: невероятно счастлив тем, что всеми предыдущими жизнями заслужил родиться там, мечтаю вернуться, но все оттягиваю этот счастливейший момент; могу, конечно, и оттянуть навсегда, но мечта же живет, мечта же существует.

С уважением,

Александр де ля фон Петербург

Track 1 / Свобода воли

Часть 1. Свобода

Дверь на крышу открылась. Карина сразу увидела Савелия. Он держался за ограждение, стоя на очень узком парапете. Немного наклонился в сторону пропасти с асфальтовым дном, находящимся на сорок восемь этажей ниже. Карина резко ускорила шаг: никогда не знаешь, в какой момент самоубийца сделает свой. Последний.

Из-за сильного ветра прыгун не слышал, как она подошла.

– Э-э-э, мужик, стой! Меня подожди! – крикнула Карина, как будто хотела успеть в закрывающийся лифт.

– Что? – От такой обыденности Савелий только это и смог выговорить.

– Ну меня подожди, не прыгай один. – Карина параллельно доедала бургер, и это добавляло легкомысленности к ее и так достаточно хулиганскому образу: ветровка, худи, широкие джинсы, кеды и кепка. Савелий, наоборот, выбрал для своего последнего дня весьма торжественный лук. Брюки, подобие строгих ботинок, произведенных, очевидно, в каком-то подвале неподалеку, свитер, плащ, который ему скорее всего достался по наследству, – и шапка, похожая на ту, что мы видим в классических экранизациях историй о Шер-

локе Холмсе.

Чтобы ответить Карине, воспитанный Савелий неуклюже развернулся: разговаривать спиной к собеседнику ему казалось невежливым. Учитывая, что все эти перемещения происходили на узком пространстве, он вынужден был крепко держаться за ограждение, чтобы не упасть.

Карина усмехнулась очевидному противоречию в действиях человека, вообще-то собиравшегося прыгнуть и оттого выглядевшего комичным в попытках удержаться.

Самое смешное, что Савелий и правда в этот момент думал не о предстоящей кончине, а о том, как соблюсти все приличия в разговоре с незнакомкой – и не уйти, не попрощавшись и не ответив на все заданные ему вопросы.

– Простите, я... я не понял... вы тоже хотите?

– Я не хочу, но если ты прыгнешь, то я тоже. Иначе как я себе это прощу?

Савелий наконец удобно устроился. Ощувив хотя бы какую-то стабильность, вступил в беседу, уже не отвлекаясь:

– Вы тут ни при чем. Просто уйдите, пожалуйста.

– Что значит – ни при чем? Это я потом Будде буду рассказывать, что ни при чем, и он меня реинкарнирует в жабу за то, что я тебе дала спокойно так нырнуть.

– Откуда вы взяли на мою голову! – стал сокрушаться Савелий. – Нас никто никуда не реинкарнирует, мы просто умираем – и все выключается. – Савелий произнес эту фразу и с грустью, и с надеждой одновременно.

– Это тебе кто такую чушь наплел? – Карина громко хлопала, всасывая через трубочку лимонад.

– Я это точно знаю. – Савелий стал похож на обиженного школьника.

– Ага, думаешь по-тихому свалить? Не, чувак, это не компьютерная игра. Ты вот сейчас прыгнешь, и те десять секунд, что ты летишь, и будут единственными десятиью секундами твоей свободы. А потом все сначала.

Савелий о чем-то задумался, посмотрел вниз и с извиняющейся улыбкой сказал:

– Восемь.

– Что – восемь?

– Тут лететь восемь секунд.

Карина отметила какую-то особенную трогательность в общей нелепости ее нового знакомого. Даже голос у него был тихий, еле заметный, ненавязчивый. Карина подумала: наверное, таким голосом невозможно ни на кого накричать... да и в целом Савелий не производил впечатления человека, способного по-настоящему рассердиться, поэтому она решила особо не выбирать шутки и тональность:

– Ты что, прыгал уже? В прошлой жизни?

Савелий улыбнулся:

– Довольно смешная шутка. Нет, я в прошлый раз кинул вниз конфету и посчитал... Прыгнуть не смог. Страшно. Я, конечно, тяжелее конфеты, но в целом быстро...

– Конфету он кинул. Короче, не важно, сколько лететь, ты,

как в асфальт войдешь, – сразу предстанешь перед Буддой, и он с тебя спросит.

– Я крещеный. Уж если во что и верить, так в то, что я сразу в ад попаду как самоубийца. – Савелий свое будущее нарисовал без страха, скорее с уверенностью.

– Так я про что? – Карина закурила и облокотилась на ограждение. – Будда тебя реинкарнирует в какого-нибудь мудака и пришлет сюда. Чистый ад. Ты же не знаешь, каково это – жить мудаком?

– Почему не знаю?

– Да потому, что ты не мудак.

– Откуда вы знаете?

– Слышь, крещеный... а ты можешь с парапета слезть, мы договорим – и потом прыгай сколько твоей душе угодно, с меня уже никто не спросит. А вот если ты сейчас поскользнешься, то мне потом прилетит.

В это время с Савелия слетела шапка и отправилась отсчитывать свои секунды свободы. Карина и ее новый друг проводили взглядом нелепый головной убор.

– Ну чего тебе – запахло, что ли, сползти и договорить? А потом вали вслед за...

– Хорошо. Помогите, пожалуйста, тут очень неудобный парпет.

Карина начала операцию по перетаскиванию Савелия, который оказался еще более раскоординированным, чем она предполагала.

– Этот парапет не для этого строили, – сказала она в тот момент, когда Савелий наконец переместил все части своего тела через решетку. – Продолжим. Вот тебя как зовут?

– Савелий.

– Савелий?

– Можно Савва.

– Да я в курсе, что Савва. Вот ты чего, Савва, прыгать собрался?

Савелий, не зная, что сказать, разглядывал отходящую от ботинка подошву.

– Молчишь, да? А я отвечу: потому что внутри скребет. А ты знаешь, не у всех скребет. Скребет только у тех, кто не мудак. Таких вообще немного. Поэтому сверху и прислали разнарядку, что самоубийство – это грех. Хоть как-то таких, как ты, тормознуть, а то на земле одни мудаки останутся. Так вот, то, что у тебя скребет, – это совесть. А значит, ты не мудак.

Савелий оторвался от созерцания полураспада своей обуви и печально ответил:

– Да какая разница, есть у меня совесть или нет, если я по сути ничтожество бессмысленное. Я прыгну – и, кроме мамы, вообще никто не огорчится. Да и то не уверен.

– Ну а ты ее спроси.

– Я спросил, еще неделю назад.

– Что сказал?

– Ну я ей сказал: «Мне что, в окно, что ли, выйти, чтобы

ты меня заметила?»

– А она?

– Она ответила: «Выйди, только деньги на похороны оставь».

Карина решила тему родителей пока не поднимать.

– Оставил?

– Нет у меня их, нет, – кивнув в сторону своей говорящей обуви, пробормотал Савелий.

– Слушай, ну так нельзя. Деньги надо было оставить. Нельзя с долгами к Будде.

– Где же я их возьму? Там тысяч сто, наверное, надо.

– Двести.

– Тем более. У меня зарплата тридцать. Мне семь месяцев голодать придется, чтобы меня похоронили.

Карина про себя усмехнулась тому, что с самим фактом возможных претензий от Будды Савелий спорить не стал.

– Ну а ты как хотел? Ты же пожил, надо хоть немного, но заслать в оркестр.

– В какой оркестр?

Карина закатила глаза и скривила губы, давая понять, что Савелий не считает самые примитивные культурные коды.

– Похоронный, блин. Фраза такая есть.

– А если я всю жизнь мучился, мне за что платить?

– Савелий, всю жизнь ты не мучился, ты меня тут не разводи. Здоровый вон вроде. Дотянул же как-то до своих лет. Сколько тебе?

– Сорок три.

– Ну вот. Сорок три года дышал, ел,пил, дробил – я думаю, в туалет ходил. Вот ты утром сходил в туалет?

– Нет... – то ли пытаюсь вспомнить, то ли стесняюсь, про-сопел Савелий.

Карина немедленно его пристыдила:

– Ты что, дурак? На том свете не сходишь! А это же дикий кайф, особенно если прижало, а туалета нет. И вдруг ты его видишь, и он открыт, ты в него влетаешь и... Это же высшее счастье: для мужика, для бабы – неважно! За это можно уж как-нибудь двести тысяч заплатить. То, что в последний день своей жизни не кайфанул, это ты точно дурак. Тем более ты, пока летишь, обязательно обделаешься, и сам понимаешь, что собой представлять будешь там, внизу. Каша. Ну на вид так себе. Я тебе, Савелий, вот что скажу. Лететь порожняком надо. Порожняком.

Савелий оторопел, а потом его тихий голос, как мог, обозначил возмущение:

– Вы вот сейчас серьезно? Я всю свою жизнь в туалет спустил, а вы мне...

– А кто тебе сказал, что ты ее в туалет спустил?

– Все!

– Ну мама – это понятно. А еще кто?

– Папа, – буркнул Савелий.

– А у нас еще и папа чувствительный имеется. – Карина в очередной раз изумилась разумности ряда существ, которых

Бог наградил детьми.

Савелий продолжил:

– Да, но он давно с нами не живет. Просто мы тут как-то решили пообщаться, ну он так мне и сказал...

– Хорошие у тебя родители, Савелий. А еще кто? Девушка?

– Откуда у меня девушка, вы на меня посмотрите. – Савелий искренне удивился вопросу Карины.

– А что с тобой не так? У тебя член есть?

Савелий отвернулся, так как на такие вопросы он до этого не отвечал, а назвать его стеснительным, как вы понимаете, – это ничего не сказать.

– Есть.

– С ним все в порядке?

– Вроде да.

– Ну и все. Что еще надо. Если честно, и без члена можно обойтись. Чего ты тут мне изображаешь?

– Слушайте! – прервал ее Савелий. – Вы про меня ничего знаете!

– Так расскажи!

И Савелия прорвало. Следующие слова он выплевывал как пулемет:

– Я работаю фасовщиком презервативов! Живу с мамой, у меня наследственная язва, от этого изо рта запах! Какая девушка? Меня только что бросила та, что просто ходила со мной по парку гулять!

Патроны кончились. Карина оглядела себя. Вроде ее не задело.

– Это все, из-за чего ты с крыши прыгнуть собрался?

– Нет! Прыгнуть я собрался потому, что дальше тупик. Понимаете?! Тупик! Все будет только хуже.

– Может, тебе язву вылечить, уйти с работы и от мамы съехать, ну как вариант? – деловито предложила Карина.

– А что поменяется? Тем более там с язвой как-то все очень дорого и сложно, а работы другой у нас в городке нет.

– Ты что, не из Москвы, что ли?

– Нет, я из Подмосковья.

Новая информация возмутила Карину:

– А чего ты сюда приехал? Не мог у себя в городе прыгнуть? Чего ты статистику Собянину портишь?

– У нас высоких зданий нет. У нас там ничего нет. Фабрика презервативов – и все, – обреченно вздохнул Савелий.

В этой обреченности было столько умильного, что Карина не сдержалась:

– Город гондонов, что ли?

Неожиданно Савелий выпрямился и ответил даже с какой-то гордостью:

– Нас так и называют. А мы не обижаемся. Хоть какая-то особенность.

– А сегодня ты почему их не фасуешь? Отгул взял?

– Нет, просто не пришел.

– Это же прогул!

– Я же с собой покончу, какая разница?

– Большая. Тебе Будда предъявит за прогул.

– Да идите вы со своим Буддой, что он мне может предъявить? Что презервативы не дофасовал?

– Именно! Ведь сегодня простой был, значит, куда-то презервативы не поставят, кто-то их не купит, потрахается без них, заразится нехорошим чем, помрет, а виноват ты будешь, Савелий! Ты! Нехорошо. У тебя миссия была – человека спасти, а ты сбежал.

– Миссия?! – Савелий опять взорвался.

– Да, а что?

– Вы издеваетесь?!

– Нет. Я же тебе сейчас объяснила цепочку. Она логичная?

– Ну да, – как бы подозревая какую-то ловушку, согласился Савелий.

– И таких цепочек я тебе нарисую: и с твоей мамой, с твоим папой и даже с язвой. Вот, может, тебе надо к какому-то врачу попасть, который тебя вылечит, ты девушку найдешь, детей родишь, они что-то полезное сделают, и врач, получается, свою миссию выполнит. А ты вот эту цепочку прервать захотел. Еще тебе придется скорую вызывать, она, вместо того чтобы кого-то спасать, поедет тебя от асфальта отскребать. И того чувака спасти не успеет. То есть на тебе еще один жмур.

– Кто?

– Покойник, кто? А если ты еще и упадешь на кого, то и третий. Тебе за трех жмуров Будда такую реинкарнацию устроит, что потом молиться будешь, чтобы в презик реинкарнировали. Ты пойми, Савелий, я сейчас серьезно.

Вдруг Карина взяла Савелия за руку, и из ее голоса действительно ушли все шутливые интонации:

– Ты родился – значит, миллионы лет эволюция шла к этому. Триллионы сперматозоидов подошли за эти годы, чтобы ты в итоге вот здесь стоял и за стоп-кран держался? Ты в своем роде такой один. И, сука, точно нужный, иначе зачем вся эта эволюция? И то, что ты не знаешь, зачем ты нужен, ни хрена тебя не освобождает от ответственности. А врач у меня, кстати, есть хороший. Я тебе телефон дам. Скажешь, что от Карины, он тебя примет бесплатно. Ну или отсыплешь ему гондонов. Вот, к слову, тоже миссия. Если ты сейчас прыгнешь, то Валера без гондонов останется. Тоже косяк кармический. Запиши телефон.

Савелий не знал, что ответить, и, скорее, в качестве согласия с концепцией Карины стал записывать номер врача в свой телефон. А когда закончил, вдруг с извинениями и какой-то радостью сказал:

– Извините. Я в туалет захотел.

– Вот! Это Будда о тебе подумал. Ты это, давай сходи, Савелий. Посиди, подумай о моих словах.

– Спасибо вам... вы... а вы-то сюда зачем пришли? Вы мне про себя ничего не рассказали...

– Я? Зачем? – Савелий заметил печаль, проскользнувшую по лицу его спасительницы. – Да это здание моего отца, я тут с детства тусуюсь, и я тебе скажу, ты не первый, кого я от прыжков отговариваю. Много кого видела. – Карина задумчиво посмотрела на Москву с высоты человеческого полета.

– А почему они прыгнуть хотели?

– По-разному. У кого рак, кто-то от любви. Одна девочка, – Карина задумалась, мышцы на лице дернулись, – на самолет опоздала.

– Это как?

– В прямом смысле слова. А самолет разбился. Вместе с ее мужем и двумя детьми.

Савелий оторопел:

– Ужас какой...

– Ее я не уговорила... Она ушла, потом вернулась и прыгнула.

– Ну знаете, тут как уговоришь... Тут без шансов. Мне даже как-то стыдно...

– Да можно было... Я просто слов не нашла. Зато для тебя нашла...

Карина вновь закурила. Савелий задумался. Внизу шумел город.

– Спасибо вам... Правда спасибо! А можно, – Савелий даже как-то потерялся от собственной смелости, – я вам позвоню как-нибудь?

Карина понимала, что на такую просьбу в своем обычном

режиме Савелий решался бы год.

– Звони. Но я тут уехать собираюсь... может, телефон брать не будет. Но давай я тебе оставлю номер. Ты набирай, может, я как-нибудь узнаю, что ты звонил.

Получив телефон, Савелий попрощался, побрел в сторону двери и вдруг развернулся. Подошел к Карине с еще более растерянным лицом:

– Извините, я... я думал... ну, в общем, у меня нет денег на обратную дорогу. Думал, не понадобится. Одолжите мне, пожалуйста, рублей сто. Я вам верну обязательно! Я всегда возвращаю!

В словах Савелия было столько искренности и абсолютной убежденности в том, что нельзя не отдавать долги, что Карина с горечью подумала о том, что с миром что-то не так, раз такие, как Савелий, на похороны накопить не могут. Она достала из кармана смятые купюры:

– Эх-х, Савелий, бери. Можешь не отдавать.

– Спасибо! Я вот домой приеду, сразу же вам на телефон переведу. И вообще позвоню! Вы же уедете... ненадолго?

– Как получится, Савелий. Береги себя, ты очень классный. Правда.

Карина проводила его взглядом и закурила последнюю в пачке сигарету. Усмехнулась.

Дверь за Савелием закрылась. Она подождала, не вернется ли ее фасовщик? Не почувствует ли?

Савелий не вернулся.

Через пять минут она перешагнула ограждение, выкинула окурок, посмотрела, как тот полетел вслед за шапкой, и прыгнула.

Часть 2. Воля

...Открыла глаза в привычном кафе. Инструктор, как всегда, пил кофе, словно пытаюсь запомнить вкус. Карина взяла его чашку, отпила и выдохнула.

– Господи, ну почему каждый раз страшно?

Инструктор вернул себе кофе и, посмотрев, сколько осталось, спокойно спросил:

– Ты сейчас «Господи» сказала как вводное слово – или хочешь, чтобы я спросил при случае?

Карина закатила глаза, будто в сотый раз слышала глупый анекдот.

– Если бы вас заставили с крыши постоянно прыгать, я думаю, шутили бы вы реже.

– Тебя никто не заставлял. Ты сама, – с какой-то излишней тягучестью и поучением ответил Инструктор.

– Сама я – один раз! А вот это искупление – вы мне придумали. Даже этот Савелий сказал, что у меня были все основания для самоубийства. Что меня никто бы не отговорил! Мне так никто и не объяснил с этим самолетом проклятым, что за замысел такой божественный, чтобы я всю семью потеряла. Устроили себе шоу!

– Ты на меня-то не кричи, я что, справочная? У меня тоже, может, вопросы есть, но я терпеливо жду. Эклеры вот ем.

– Эклеры он ест! Я тоже, пожалуй, съем. Одно на том све-

те радуется – худеть не надо. Слушайте, а вот еще вопрос: если бы Савелий прыгнул, его бы тоже потом заставили всех отговаривать? Просто мне кажется, такой как он может уговорить только прыгнуть, а вот наоборот – не факт.

– Конечно, у него было бы такое же задание... тут же все без мозгов, одна ты умная.

– Вопрос снят. Напомните, сколько мне еще осталось?

– Сейчас табличку посмотрю.

Инструктор стал деловито копаться в ноутбуке с логотипом, на который Карина раньше не обращала внимания. Яблоко с как будто приклеенным назад откушенным куском. Она усмехнулась, но не стала уточнять, что конкретно имели в виду местные производители, а ее контролер нашел нужный файл:

– Так. Савелий у нас девятый. Из них двое все равно покончили с собой в течение недели, а один тогда поскользнулся, не считается. Значит, шесть жизней спасла. Еще одна – и твой дозор окончен!

Карина на киношутку реагировать не стала, хотя поняла, что Инструктор, вместо того чтобы внимательно слушать, как она людей отговаривает, сидит и смотрит сериалы. «По образу и подобию»... Везде бардак.

Но она решила не отвлекаться от главной темы:

– А вдруг Савелий передумает?

– Не передумает.

– Откуда вы знаете?

– А его машина сбила! – Инструктор сказал это так, как если бы ребенок забыл маме сообщить о пятерке.

– Когда?!

– Вот сейчас! Он свою шапку увидел валяющуюся и решил поднять. Машину не заметил. – Инструктор улыбнулся и начал разворачивать маленькую шоколадку:

Лицо Карины стало наливаясь кровью. От юной хулиганки, которая отговаривала очередного самоубийцу, не осталось и следа:

– Вы что, совсем офонарели тут? Я всю оставшуюся душу вложила, чтобы его с крыши снять, а его машина сбила?!

Карина перегнулась через стол, взяла Инструктора за грудки и прошипела, неожиданно перейдя на ты:

– Ты же, сука, знал, что так будет! Знал? Говори!

– Ты это... эклер съешь и не кричи... Я ничего не знал. Богом клянусь. – Инструктор посмотрел на небо.

– Да иди ты в жопу со своим эклером! Давайте оживляйте этого Савелия! Парню сорок три года, а вы его в расход! Сам справляйся или своим наверх звони. Как хочешь!

Инструктор отвечал очень спокойно и немного театрализованно. Он как будто играл роль вершителя судеб, а не был им – играл посредственно:

– Да не буду я никому звонить, много чести. И хорош тут благотворительный фонд включать. Ты свое дело сделала. И давай по совести, ну на хрена ему было дальше мучиться, а? Ну что у него за жизнь? А тут раз – и всё, никакого суицида,

лети себе в рай белым лебедем, и все благодаря тебе. Плюсик в карму.

– А ты не много на себя берешь – решать, хорошая у него жизнь или нет? – Карина, очевидно, не любила спектакли и поэтому говорила все требовательнее и требовательнее.

Однако ответ Инструктора ее немного озадачил.

– А ты? – спросил он. – Ты-то сейчас своих прыгунов отработаешь, и все, свалишь куда повыше, с семьей увидишься – и гори оно. А Савелию с его набором как-то жить там, на земле, надо. А как ему жить-то?

– Ничего, уж как-нибудь справится!

– Слушай, ты мне истерить прекращай, нам всем – в смысле и тебе и мне – очень, знаешь ли, выгодно, что его машина сбила.

– Выгодно? Почему? – искренне удивилась Карина.

– Ну а как? У тебя один остался, а если бы Савелия машина не сбила, он бы точно в течение недели все равно прыгнул бы. Хорошо, не точно. Но с вероятностью процентов пятьдесят, а это значит – тебе двоих пришлось бы спасать, и двоих на этой крыше... народ нынче с крыши нечасто прыгает, все больше таблетки... Зависли бы с тобой тут еще бог его знает на сколько времени.

– Что значит – зависли? А ты тут при чем?

Инструктор понял, что брякнул лишнее, но ему стало лень выдумывать легенду:

– При том! Пока ты семерых не отработаешь, я тут тоже

прилип тебя караулить. Мне эклеры эти уже знаешь где?!

Карина внимательно на него посмотрела:

– Тебя чего, тоже наказали, получается?

– Чего это сразу «наказали»? – обиженно уточнил любитель эклеров. – Задание дали. Ты вот своего мужа с детьми увидеть хочешь?

– Хочу, – не понимая связи, ответила Карина.

– Вот и я кое-чего хочу. – Вид у Инструктора был как у ребенка, которого не пустили в Диснейленд.

– Чего?

– Только не надо смеяться.

– Мне не до смеха.

– Я хочу узнать, кто убил Кеннеди. Мне обещали сказать. Карина упала в тяжелый фейспалм.

– Ты чего, дурак? Какой Кеннеди? Тебе не по хрену?

– Нет. Я, считай, из-за него умер, – поделился своим прошлым Инструктор.

– Поясни... и извини, что я на «ты». Просто выбесили вы меня все.

– Да не проблема. Я, вообще, из Штатов, там все на «ты». Я журналист-исследователь, писал книгу про Кеннеди, полжизни вопрос изучал, выпустил в итоге свою работу – а ее разнесли в пух и прах. Критики. А когда я писал, соцсетей не придумали еще, и мне негде было ответить, да и тем, кому понравилось, тоже некуда было написать. Раньше же хейт направляли в одну сторону, понимаешь? Ну я и умер от сер-

дечного приступа после месячного запоя. Глупо, но как есть. Вот я тут немного продвинулся по карьерной лестнице, обещали сказать... Я без этой правды спать не могу.

Карина этот каминг-аут восприняла своеобразно:

– То есть, пока я не отработаю, ты тут как привязанный?

– Вроде того. – Инструктор попросил еще кофе.

Карина замолчала, пытаясь осознать только что услышанное. Потом вдохнула, собралась и озвучила требования властям от террористов:

– Тогда возвращай Савелия. Иначе я вообще перестану их уговаривать. Понятно? Связывайся со своими, мантру читай – в общем, как хочешь.

Инструктор опешил:

– Что значит – перестанешь?! Ты должна!

– Никому я ничего не должна, – спокойно ответила Карина. – Свобода воли. Основа мироздания. Вечность буду в этом кафе с тобой сидеть, вечность с эклерами! Как тебе? Прыщами покроешься адскими и про Кеннеди не узнаешь! – Карина откусила большой кусок от эклера.

Настало время Инструктора озадачиться. Однако он заподозрил подопечную в блефе:

– То есть ты готова из-за Савелия своих не увидеть? Ты чего, меня на понт берешь?

Возможно, когда Карина начинала говорить, она и вправду блефовала, но... как это часто бывает с россиянами, в процессе спора появляется решимость идти до самого кон-

ца, даже если и плана такого не было.

– Готова! – сказала она. – Не из-за Савелия, а потому, что несправедливо так, понятно? А если все несправедливо, то зачем все? Оживляй.

Инструктор помрачнел и окончательно растерял всю свою ленивую чванливость.

– Да не могу я его оживить, – грустно сказал Инструктор.

– А кто может?!

– Никто. Здесь – никто.

– Но меня-то оживляете каждый раз!

– Реально-то мы тебя оживить не можем. Это спецэффект, считай. Так все устроено, что ни я, ни начальство, ни даже Бог смерть отыграть назад не может. Я тоже, если честно, разочаровался в системе. Некоторых людей очень жалко. Вот так.

Карина всю свою короткую жизнь отличалась тем, что не сдавалась. Кроме одного раза, как вы уже поняли.

– Ты сказал – здесь никто. А там? Там кто-то может?

– Врач может, если успеет и руки не из жопы. В смысле врач скорой.

– А скорая едет?!

– Ты же сказала, что из-за него скорая приедет. Вот она и едет, в пробке застряла.

– Ну хотя бы с пробкой ты можешь помочь?!

Инструктор огляделся по сторонам:

– Ты только меня не сдавай. Я научился тут светофоры

блокировать. Иногда красный свет минут десять держу и слушаю, как люди власть ругают. Мелочь, а приятно. Это же я – власть, получается.

– Что у тебя в голове... Врубай скорой зеленый, короче.

Инструктор тыкнул что-то в компьютере:

– Едет.

– Молодец. Слушай, а в скорой хороший врач?

– А я знаю? Сейчас хороших врачей – днем с огнем, одни блогеры везде, даже среди врачей.

– Не поспоришь. Тебя как зовут, вообще?

– В последней жизни звали Джефффри.

– Джефффри, ты молиться умеешь?

– А что? Вроде да. Тренинг проходил тут.

– Вот и молись. Молись, чтобы он был врачом больше, чем блогером! Иначе – я тебе слово даю – мы здесь навсегда останемся. Я, ты и эклеры.

– Хорошо. Я попробую. Ты тоже давай. Никогда не знаешь, чей звонок примет колл-центр.

– Очень смешно!

Прошло минут пять. Неожиданно Инструктор просиял:

– Слушай, ну твой Савелий прям феерически невезучий персонаж.

– Что такое?

– Весь переломался вдобавок ко всему своему набору и выжил. Выжил! Лузер – он и есть лузер.

Карина улыбнулась, обняла Джефффри и с какой-то особой

теплотой сказала:

– Сам ты лузер. Может, ему в больнице язву поправят, медсестра какая приласкает, родители его наконец в себя придут, поймут, что нельзя так с сыном. Короче, слава Богу, что он выжил!

Джефффри буркнул:

– Врачу слава, вообще-то. Хотя и Богу, конечно, тоже – он же врачей придумал. А знаешь... Неслучайно он под машину попал... Он теперь месяц под присмотром, с крыши уже не прыгнуть. Значит, один нам остался!

– Один. Слушай, а все-таки: почему мне каждый раз так страшно прыгать? Ведь знаю же, что это, как ты сказал... спецэффект, а все равно такая жуть...

Джефффри поставил чашку с кофе на стол и сказал неожиданно холодно, если не зло:

– Чтобы ты на все жизни будущие запомнила, что нельзя так. А ты думаешь, почему некоторые люди так высоты боются? Помнят.

– Логично. Я запомню.

Джефффри улыбнулся и сразу потеплел:

– Так, ну ладно, давай угощу тебя еще одним эклером, ты же Савелию все свои суточные отдала.

– Давай, Джефффри, а чего вы тут на суточных экономите-то?

– Вот не порти мне настроение, а!

Из больницы Савелий не вернулся.

Остался завхозом, потом дорос до начальника столовой и вскоре стал самым любимым человеком в этом так завязанном на любовь учреждении.

Track 2 / Хейт

Врач-реаниматолог вышел в коридор, в котором сидела абсолютно безжизненная София Истомина, акционер крупного холдинга с состоянием в пару сотен миллионов долларов, которая была готова отдать их все за то, чтобы услышать от доктора нужные слова.

Услышала:

– Вытащили. Жить будет, Софья Алексеевна, но вы понимаете, что попытка суицида в тринадцать лет на ровном месте не происходит, надо разбираться.

Соня холодно сказала:

– Я разберусь. Аркадий Борисович, я вам пожизненно должна. Приеду на следующей неделе, и вы поймете, что это значит. Можно я к дочери зайду?

– Давайте через часа три, хорошо?

– Да, конечно, я пока разбираться начну и вернусь.

– Удачи вам, – сказал доктор.

Судя по всему, он понимал, что означало слово «разберусь».

Соня удивилась, что невероятное счастье, которое водопадом обрушилось на нее после новости о живой дочери, так же мгновенно заместилось неумолимым желанием устроить ветхозаветную месть всем, кто довел Майю до этого шага. Энергия быстро меняет свой знак, оставаясь в том же потен-

циале.

Она вышла из больницы и села на скамейке рядом с зареванной девочкой, которая, боясь поднять глаза, дрожащими губами прошептала:

– Она будет жить?!

Еле сдерживая желание соврать и раздавить детскую психику, Соня спросила:

– А что бы ты делала, если бы нет? Вот что бы ты делала, Оль?

– Я не знаю... Простите, простите, пожалуйста... – потерянным голосом ответила Оля.

– Простите, простите... – Соня вздохнула: – Вот скажи мне, ты же ее подруга, ты же у нас дома сколько раз была, зачем... ты-то зачем?

Стыд выдается нам как предустановленная опция, но с возрастом мы достаточно редко обновляем это приложение и теряем его, а у детей он есть. Оле было стыдно, и она сказала правду, еле сдерживая слезы:

– Не хотела, чтобы меня, как ее... А у нас же в классе либо ты травишь, либо тебя.

– То есть не только Майю травили? – преображаясь в следователя по особо важным делам, акцентированно уточнила Соня.

– Нет, конечно, многих. Если ты попала, то все.

– А кто попасть может?

Оля наконец посмотрела матери своей подруги в глаза:

– Кто угодно. И не важно, красивая или уродина, богатая или бедная. Особенно если тебя парни наши некоторые не любят. Каждый день приходишь и не знаешь, что будет. Поэтому, когда сейчас Майю начали хейтить после «Клеветника» и меня спросили, чего я молчу, я... испугалась. Я просто испугалась.

– Понятно. А по Майе – все с «Клеветника» началось?

Соня предполагала, что школьники не сами запустили волну, и нашла теперь подтверждение. На популярном хейтерском ресурсе «Клеветник» ей уделяли особое внимание. Там были целые разделы, посвященные ее личной жизни, наследству отца и купленной дружбе с модными персонажами столицы. Оля тем временем продолжила давать показания:

– Да, все началось с тех блогов, в которых над Майиным видосом поиздевались... Кто-то из школы их запостил у себя, ну и все начали... и я... А для нее это, наверное, как последняя капля. Ее же с начала года травят. Кто-то ей даже сказал, что ей лучше сдохнуть по-тихому.

– Повтори.

– Сказали, ей лучше сдохнуть по-тихому.

У Сони свело лицо:

– Она мне ничего не говорила.

Оля потихоньку приходила в себя – и поэтому отвечала уже с намеком на обвинения:

– А сейчас никто не рассказывает. А родители не спрашивают. Мы боимся, что вы устроите разборку и нас совсем

захейтят за то, что стучим, да к тому же что вы можете сделать... Как вы нас защитите? Да вы поэтому и не задаете вопросы. Вы такие же трусы.

Через час Соня была в офисе у любовника юности Владислава, который выжил в нелегкие годы становления российского капитализма, – но выжил исключительно ценою того, что это не получилось сделать его противникам. В возрасте двадцати трех лет он принял нелегкое для сына хороших родителей решение – убивать тех, кто угрожает убить тебя, до того, как они начнут воплощать планы в жизнь. То есть не ждать, пока появится уголовно ненаказуемая причина для ответных действий. Ну а потом... он начал себя убеждать, что тот или иной конкурент ему опасен, а затем и вовсе перестал искать объяснения для решительных действий.

Владика Соня никогда не осуждала, но и к услугам не прибегала. Инстинктивно, наверное, продолжала дружить. Время бандитов в России не пройдет никогда. Разве что возьмет паузу.

– Владик, я тебя никогда ни о чем не просила, а сейчас прошу. Мне нужно людей наказать.

Владик сразу же оживился:

– Ох ты, не прошло и двадцати лет. А я всегда тебе говорил, что насилие в России – это вопрос ситуации, а не морали. Рассказывай.

– Майю затравили на одном сайте, она наглоталась таблеток. Еле откачали.

Владик выжил благодаря тому, что был лишен любых рефлексий. Поэтому, поняв, что ребенок цел, перешел к делу:

– Кто, как и за что затравил?

– Кто, не знаю. Анонимные какие-то скоты, знаю только ники. Как затравили? Толстая, страшная, тупая, мама все купила... Она выложила видео, как поет, ну и началось. А за что? Ну, думаю, за меня. А потом в школе подхватили. Непохоже на одноклассниц, слишком взрослые тексты в постах были, видимо, заказуха какая-то. Я хочу найти этих анонимов, встрясти, кто заказчик, и наказать.

– Насколько серьезно наказать хочешь? – Вопрос он этот задал так, как официант интересуется у клиента о предпочитаемых винах.

– Жестоко.

– Обожаю тебя такой. – Владик с восхищением посмотрел на женщину, которую удержать он так и не смог. – Грех готов на душу взять?

Он не был религиозным, но решил, что Соня откажется, если он спросит прямым текстом, а ему не хотелось, чтобы она вдруг пошла на попятную. Большие войны временно утихли, а охоты на оленей Владику было мало. Хотелось на людей, как в юности. Очень хотелось.

Соня это почувствовала: она и ушла от Владика потому, что в глубине души боялась его таким, с адским огнем в глазах. В какой-то момент ей показалось, что он постарел и стал веганом, но теперь, когда она увидела, как он с нетерпением

смотрел на нее в ожидании санкции на высшие меры, поняла: есть мясо, вкус которого невозможно забыть. Ей даже самой вдруг захотелось его попробовать. Она ответила вопросом, из которого все стало ясно:

– Готова ли? А ты бы не был готов?

Владик улыбнулся:

– Как скажешь. Бюджет волнует?

Соня посмотрела на шиншиллу в маленьком вольере и ответила:

– Нет. Я тебе доверяю.

Скорее из любопытства Владик уточнил:

– Сонь, а почему ты раньше меня не дернула? Может, прижали бы всех и Майю не довели бы?

– Потому что я дура. И херовая мать. Я просто не знала, что ее травят.

– Вот поэтому у меня дети на полной прослушке и просмотре.

– Ты серьезно?

– Конечно.

– А они в курсе?

– Нет, зачем? Потом на тридцатилетие подарю им архив их чатов. Мне кажется, крутой подарок.

Где-то через пару дней в «Вотсапе» состоялась такая переписка двух москвичек:

– Ты видела?!

– Что?

– На «Клеветнике» в блогах вот такое висит: «Кто хочет легко заработать? Нужны все личные данные про авторов, пишущих под никами: Мелисса007, MissAmerica, ZlayaSobaka, LasTvegas.

Информацию присылать по адресу: zabota5861975@rambler.ru. В случае подтверждения информации вознаграждение – 500 000 рублей. Анонимность гарантирую».

– Черт! Что это?!

– Не знаю!

– Не вздумай слить меня!

– Ты что! Я уже написала их админу, чтобы сняли.

– А он?

– Ответил, что ему начальник сказал не трогать пост пару часов.

– Может, в полицию обратиться?!

– На хер пошлют. Да не ссы. Думаю, розыгрыш чей-то.

– Мне страшно, если честно.

Владик кормил шиншиллу, когда в кабинет вошел его без-
опасник:

– Владислав Александрович, всех нашли.

– Быстро вы.

– А чего там искать – либо друг друга слили, либо ребята
с «Клеветника» помогли, айпи дали. Отблагодарим?

– Отблагодарим. На «Клеветнике», конечно, конченные
упыри работают. Сначала на этих дебилах деньги зарабаты-
вают, а потом сливают за три копейки.

– А чего, нормальные драгдилеры так и поступают.

– Нас-то не сольют, Ром?

– Обижаете, Владислав Александрович. Нас так просто не
найдешь.

– Молодец.

– Я, в общем, сейчас пробую, кто там кто, посмотрим за
ними, пощупаем, и можно в гости ехать, если там не волшеб-
ники какие-то окажутся.

На первую встречу они поехали втроем: Соня, Владик и один из его бойцов. Вышли из затонированного микроавтобуса и пошли по чавкающей осенней жиже к обшарпанной советской высотке.

– Это что за район-то, что за гетто?

Владик усмехнулся и показал на автостраду вдаль:

– Да ты это гетто каждый день пролетаешь со свистом, это же дорога к тебе за город. Ближе надо быть к людям.

Соня проезд оценила:

– Кто бы говорил. Прямо так пойдем?

– Да, там ни камер, ни охраны. Мы же поговорить. – Владик усмехнулся.

– А она дома?

– Пришла недавно.

– И как войдем? Не откроет же.

– У нас свои ключи.

– От всех дверей?

– Почти от всех, Сонечка.

Подъезд и правда был без намека на домофон. Они открыли дверь и сразу ощутили затхлый запах безысходности.

– Морг какой-то. Этаж?

– Тринадцатый, лифт не работает и не заработает уже, думаю, никогда.

– Ну ничего, фитнес.

– Вот в этом все и дело, – хмыкнул бандит.

– В чем?

– Для тебя это фитнес, а для них – жизнь.

Через пять этажей они остановились. Соня запыхалась:

– Надо, конечно, возвращаться на спорт. Привал. Дайте дух перевести.

Владик дал ей бутылочку воды:

– Мы такие же старые, как этот дом. Попей.

Соня отдышалась и вдруг азартно крикнула:

– Ну что, мальчики, кто со мной бегом наверх? Посмотрим, кто тут старый.

Соня полетела по этажам и неожиданно наткнулась на двух крепких парней, сидящих на ступеньках.

– О, смотри какая чика козырная, в шубе. Слышь, шалава, ты чего здесь делаешь? На работу приехала?

Соня дала знак поднимающимся Владу и его телохранителю, которые находились еще вне зоны видимости местных королей лестницы. Влад понял замысел и остановился. Соня кокетливо сказала:

– Вроде того, дашь пройти?

– Дам пройти, если нам дашь.

– Ну если деньги есть, почему нет.

Второй гопник вступил в разговор:

– У тебя сегодня плохой день, поработать придется бесплатно. Да и шуба на тебе лишняя.

На этой фразе он достал нож. Соня равнодушно на него посмотрела:

– Чего, прямо так из-за шубы порежешь?

– Почему только из-за шубы, у меня на тебя планы. Пошли в хату.

Соня кивнула Владику, тот мгновенно появился рядом и навел на обалдевшего молодчика пистолет с глушителем:

– На пол оба.

Парни вжались в бетон на площадке мусоропровода.

– Ну что, как насчет работы?

София взяла нож, вспорола ширинку болтливого нового знакомого, приложила лезвие к самому дорогому и стала понемногу надавливать.

– А если тебе член отрежу, ты чем со мной работать будешь?

В ответ прозвучало дрожащее:

– Извините, пожалуйста, не надо! Мы просто пошутили.

Соня вдруг отдернула руку, как будто наткнулась на паука:

– Твою мать, он обоссался!

Владик не сдержался:

– Ну что за парни пошли, а!

Соня почти визжала и трясла рукой:

– Дай мне срочно воду!

Влад дал ей бутылку и сильно ударил ногой в лицо виновника Сониного дискомфорта. Раздался неприятный хруст, и на бетон потекла кровь.

– Да что из тебя все течет-то, утырок, – разозлился Влад.

В этот момент скрипнула дверь, и на лестнице появилась бабка с мусорным пакетом, она спустилась к мусоропроводу, переступила через ноги лежащих, выкинула отходы и поковыляла назад, как будто вообще ничего не случилось. Влад на всякий случай подстраховался:

– Бабуль, мы из полиции, наркоманов ловим.

Бабка, не поворачиваясь, буркнула:

– А чего их ловить, их расстреливать надо, – и ушла в свой мир.

Владик согласился:

– Слышали, уроды? Народ просит вас расстрелять, не вижу причин ему отказывать.

– Пожалуйста, не надо!

– Короче, бабка теперь на вас, тимуровцами будете, через неделю проверю. Узнаю, что не заботитесь, найду, отрежу твою писалку и шиншилле скормлю. Пошли вон отсюда.

Оба рванули вниз. Соня изумилась:

– Ты чем ее кормишь?!

– Да не знают они, что такое шиншилла, а звучит пугающе. Кстати, тут небольшой подгончик от нас. Забыл тебе рассказать, а этот урод напомнил. Одноклассника Майи, который больше всех ее мочил и вообще заводным был, опу-

стили при всех.

– В каком смысле? – Соня остановилась.

– В прямом, считай. У меня отморозенный региональный молодняк стажирруется, они его прямо у школы отхерачили и поссали на него при друзьях. Думаю, он сам из школы теперь уйдет. С таким не прожить.

– Владик, зачем?! Я тебя не просила! Он же ребенок!

– Ой, прости, не заметил, что он ребенок. Пусть привыкает. И потом, я не по твоей просьбе, я от себя. Поверь, сейчас у них в классе резко поубавится желающих косорезить, а может, и во всей школе. Все же догнали, что ему обраточка прилетела. Сонь, либо мы их, либо они нас. Ты разве на лестнице сейчас это не поняла?

Соня промолчала, потому что вдруг почувствовала себя мамой того мальчика. Как раз в этот момент они наконец дошли до нужной квартиры. Охранник открыл своим ключом, и они тихо вошли в крохотную, замызганную прихожую. Услышали, как мужской голос резко выговаривает:

– Я тебе, сука, устрою! Просто суши поели вместе!

Владик резко открыл дверь, охранник навел пистолет на парня, который как раз замахнулся на сидящую на разваливающемся диване субтильную девушку лет двадцати пяти с каким-то то ли шрамом, то ли дефектом на щеке.

– Привет. Не помешали?

Катя посмотрела на Соню, и стало все понятно.

– Я вижу, ты меня узнала? – Соня стала искать, куда при-

сесть, и облокотилась на стол.

– Вы кто? Катя, кто это? – переводя взгляд с пистолета на Соню, спросил потерявший немного уверенность в своих силах Катин бойфренд.

Владик начал доставать из небольшой сумки скальпель, шприц и какую-то колбочку с красной жидкостью.

– Тебя как зовут?

– Степан.

– Разин?

– Чего?

– Да ничего, в школе надо было лучше учиться. Катя тут провинилась немного, мы ее накажем. Если это твоя телка – оставайся, вступишься за нее. А мы рассмотрим.

Владик разложил нехитрый набор на столе и предложил сделку:

– Ну а если не твоя и ты случайно зашел, то можешь идти.

Катя со страхом и надеждой посмотрела на Степана, который принял решение неожиданно быстро:

– Я случайно зашел. Она мне никто.

– Вот молодец, Степан. Ну ее, красавицу, за борт, да? Хотя ты все равно не поймешь. Иди, только можно твою руку на секунду?

Охранник сильно ударил в живот привставшего парня и вложил ему в руку пистолет. А Владик озвучил послание:

– Смотри, малой, слово кому скажешь, ствол с твоими пальцами у ментов будет, а на нем три трупа висят, и я уж

постараюсь, чтобы тебя в камеру посадили, а там к тебе приду и по кускам язык отрежу. Ты мне веришь?

– Верю, – прокряхтел ловящий дыхание Степан.

– Ты ничего не видел. К Кате заходил – ее дома не было. Понял?

– Понял.

– И да: мы все про тебя знаем, мама – Зинаида Александровна, папа – Павел Викторович, побереги их здоровье тоже. Вали.

Степа проковылял к двери, пока охранник уложил пистолет в полиэтиленовый пакет и достал из сумки колонку, а Владислав, улыбаясь, обратился к Кате, которая не ревела только потому, что ее парализовал страх:

– Ну что, Катя, парня у тебя больше нет. Мама, я так понимаю, далеко, папы тоже нет, он же тебя бросил в детстве, да? Слила *тебя* подруга. За деньги, кстати. Как у тебя с настроями?

– Что вы хотите? Я ни в чем не виновата, – практически прошептала Катя своими тонкими потрескавшимися губами.

Соня привстала:

– Лично я хочу тебя пристрелить как собаку, но мне нужна информация, кто тебе заказал Майю травить. Скажешь – жива останешься. Не скажешь: твой парень бывший станет Чикатило – мы такое тут с тобой сделаем...

– В смысле кто Майю заказал?!

– Алик, заткни ей рот. И включи музыку, – приказал Влад своему бойцу.

Бандит привычным уже жестом ткнул Катю в живот, засунул в рот кляп и связал скотчем руки, бросил на кровать, придавил коленом и начал искать музыку в телефоне. Неожиданно на всю квартирку заиграла песня «Маленькая страна» Наташи Королевой. Соня с вопросом посмотрела на гориллоподобного Алика, который, извиняясь, промычал:

– А мне нравится.

Владик тем временем наполнил шприц красной жидкостью и поднес к глазу Кати.

– Смотри, Катечка, я сейчас тебе брызну в глаз, и он растворится, только очень больно будет. Очень. Может, ты вспомнишь, кто такая Майя и кто тебе ее травить заказал?

Катя отчаянно закивала. Алик вынул кляп.

– Майю травила я, просто так, мне ее никто не заказывал! Честное слово!

– Какая преданность. Не сдает начальство. Ты сутками на этом «Клеветнике» сидела! Просто так, что ли? Бесплатно?

– Дааааа!

– Не убедила!

Владислав поднес шприц к глазу, который и так был готов уже выскочить из орбиты.

Катя закричала:

– Я правду говорю!!

Соня взяла Влада за руку:

– Подожди, похоже, правду говорит. Катя, а за что ты ее травила?

Катя, не отрывая глаз от шприца, стала быстро отвечать:

– Просто так, просто так, честное слово. У нее все есть... а у меня нет и не будет... я каждый день ее «Инстаграм» смотрю... и ваш тоже. Она спела, ну я и написала, знала же, что вам больно будет. Просто хотелось, чтобы вам было больно, понимаете! Хоть немного!

– Ненавидишь меня?

– Ненавижу. Всех вас! – В голосе Кати прозвучала даже какая-то вызывающая симпатию Влада отвага.

Соня присела на диван и сказала ему:

– Развяжи ее. Не хочу в связанную стрелять. И дай ствол, а ты, Алик, музыку сделай потише, а то я точно застрелюсь.

Владик разрезал скотч, передал Соне пистолет, та поставила его ко лбу Кати. Алик обиженно убавил звук. Соня вдруг ощутила зуд в руке, посмотрела на Владика и подумала, что теперь она знает о самой тяжелой зависимости, доступной человеку. Убрала от греха палец со спускового крючка:

– Странная ты. Тебя отец бросил, парень предал и подруга продала, а ненавидишь ты меня и Майю, которых вообще не знаешь.

– Их я тоже ненавижу. Особенно Степу, сука трусливая.

– Разумно. А еще вот скажи, ты же половину своей жизни на этом гребаном «Клеветнике» проводила? Зачем?

– А где мне ее проводить? Вот в этом всем?

– Ладно, я тебе верю. Ты жить хочешь?

– Хочу.

– Записывай видео.

– Какое?

– Бери телефон и делай видео так, чтобы было видно твою квартиру и лицо твое. Я – Катя Рябкина, ник Melissa007, я травила Майю Истомину потому, что я ей завидовала. Простите меня, пожалуйста. Записывай и выкладывай на «Клеветник» прямо сейчас.

– Я не могу... вы что... я не могу... Меня же...

– Владик, сможешь убедить?

Владислав поднял шприц.

– Не надо, прошу вас! Хорошо, я все сделаю!!

Катя убрала слезу и записала видео. Соня дождала:

– Выкладывай.

– Пожалуйста, только не на «Клеветнике».

Соня отрицательно покачала головой. Катя нажала кнопку «разместить». Уже через пять минут посыпались комментарии: «Дура; сдохни, тварь; сука; уродина...» и все в таком духе.

Довольная Соня приобняла Катю:

– Ну что? Ты теперь там звезда, покруче Майи будешь, поймешь, каково это. Забавно, что тебя теперь травят те же, кто травил ее. Надеюсь, тебе сейчас хорошо. Не хочешь почитать?

Катя помотала головой.

– А я хочу! Читай, тварь.

Соня ткнула экраном Кате прямо в лицо. Увидев, что комментарии дошли до адресата, Соня забрала телефон:

– Ты, наверное, думаешь, что всю жизнь проживешь в этом гнилье и сдохнешь здесь же?

– А разве нет?

– Но ведь это ты так думаешь, это не я тебе об этом говорю и даже не я в этом виновата.

– А кто? Кто виноват, что я родилась у своих родителей, а Майя у вас?!

– Наверное, мы с Майей. Слушай, ты вот сказала, что больно мне хотела сделать, но коммент – это не больно. Я тебе сейчас шанс дам по-настоящему зажечь.

– Вы о чем?

Соня вложила Кате пистолет в руку:

– Ну, если ты реально мне больно хотела сделать, на – стреляй, стреляй!

Влад выхватил у Алика пистолет и навел на Катю:

– Соня, ты чего делаешь?! Катя, бросай ствол.

– Стоять! Грохнет меня, не трогай, пусть живет. Я здесь заказчик. Ну, давай. Вот ты меня ненавидишь. Вот она – я. Давай! Стреляй! Моя Майя из-за тебя с собой покончила. Так что мне жить незачем!

Катя в растерянности посмотрела на Соню и прошептала:

– Как покончила?

– Так! Начиталась твоих комментов и колес наглotalась!

– Я не хотела...

– Хотела! Это ты ее убила, ты! Ей тринадцать лет было, она просто песню выложила! Стреляй, тварь!

Катя неожиданно приставила пистолет к своему виску. Соня равнодушно произнесла услышанную недавно фразу:

– Ну или так. Тебе и правда лучше теперь сдохнуть потихому.

Помертвевшими губами Катя прошептала:

– Простите меня, пожалуйста, – и нажала на спусковой крючок.

Раздался характерный щелчок незаряженного пистолета. Владик усмехнулся. Катя так и сидела с дулом у виска и не понимала, что происходит. Алик аккуратно забрал оружие из ее окостеневших рук. Соня закурила и подошла к окну с видом на кладбище:

– Майю врачи вытащили, поэтому ты жива сейчас. Но ее врачи спасли, а не ты. Так что ты все равно, считай, девочку убила.

– Она жива?!

– Да.

Алик и Влад стали собирать свой скарб в сумку. Соня смотрела в окно и вдруг слышала:

– Можно, можно... я к ней съезжу, извинюсь?..

Соня повернулась:

– А тебе это зачем?

– Вы что думаете, я совсем тварь конченная?

– Не знаю... Может, и нет. Не конченная. Поехали. Одевайся. Мы тебя внизу ждем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.